

12. Она же. Эффективность уголовного закона и ее значение в борьбе с преступностью / Н.Ф. Кузнецова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Право. 1976. № 4.
13. Лунеев, В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ / В.В. Лунев ; предисл. В.Н. Кудрявцева. М. : Норма, 1997.
14. Максимов, С.В. Цель в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.В. Максимов. Казань, 2002.
15. Миненок, М.Г. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы / М.Г. Миненок, Д.М. Миненок. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001.
16. Никитинский, В.И. О методике измерения эффективности правовых норм (Опыт конкретных социально-правовых исследований) / В.И. Никитинский, В.В. Глазырин, С.Е. Казаринова // Совет. государство и право. 1975. № 9.
17. Орехов, В.В. // Эффективность действия правовых норм / отв. ред. А.С. Пашков. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.
18. Плохова, В.И. Соотношение критериев и показателей эффективности уголовно-правовых норм / В.И. Плохова // Уголовный закон и совершенствование мер борьбы с преступностью : межвуз. сб. науч. тр. / Свердлов. юрид. ин-т им. Р.А. Руденко ; редкол.: М.И. Ковалев и [др.]. Свердловск : Урал. ун-т, 1981.
19. Прозоров, В.Ф. Качество и эффективность хозяйственного законодательства в условиях рынка / В.Ф. Прозоров. М. : Юрид. лит., 1991.
20. Тоболкин, П.С. Понятие эффективности норм советского уголовного права / П.С. Тоболкин // Межвуз. сб. науч. тр. / Свердлов. юрид. ин-т ; редкол.: М.И. Ковалев [и др.]. Свердловск, 1975. Вып. 37: Проблемы эффективности уголовного закона.
21. Он же. Цели уголовно-правовых норм / П.С. Тоболкин // Там же. 1976. Вып. 49: Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства.
22. Устинов, В.С. Методы предупредительного воздействия на преступность : учеб. пособие / В.С. Устинов. Горький : ГВШ МВД СССР, 1989.
23. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М. : Юрид. лит., 1974.
24. Шаргородская, М.Д. Наказание, его цели и эффективность / М.Д. Шаргородская. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.
25. Яковлев, А.М. Социология преступности (криминология): Основы общей теории / А.М. Яковлев. М. : Содействие. Новый век, 2001.

Р.А. Середа, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

АЛЬТЕРНАТИВЫ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматривается опыт зарубежных стран англосаксонской системы права в области применения мер, альтернативных уголовному преследованию. Автор изучает различные формы учета посткриминального поведения лица, совершившего преступление, при решении вопроса об уголовной ответственности. Оценивается эффективность получивших распространение в США сделок о признании вины, а также освещаются идеи восстановительного правосудия. Рассматриваются возможности и перспективы внедрения данных институтов в отечественное законодательство.

В настоящее время в большинстве стран мира наметилась четкая тенденция по переходу от карательного правосудия к альтернативным мерам разрешения уголовно-правовых конфликтов. Все большее значение придается посткриминальному поведению лица, совершившего преступление, в частности, его деятельности по достижению примирения с потерпевшим, по заглаживанию вреда, причиненного преступлением.

В нашей стране с введением в действие Уголовного кодекса 1999 г. также появилась норма, учитывающая примирение обвиняемого с потерпевшим в качестве условия освобождения от уголовной ответственности. Однако, как представляется, данный институт нуждается в дополнительной правовой регламентации, в связи с чем целесообразно обратиться к опыту внедрения альтернативных уголовному преследованию мер в зарубежных странах.

Особенности правового регулирования тех или иных институтов прежде всего зависят от той правовой системы, которая сложилась в данной стране. В настоящее время общепринятым является выделение англосаксонской (Великобритания, США, Канада и др.) и континентальной (Германия, Италия, Польша и др.) правовых систем. В большинстве стран как первой, так и второй группы условием для неприменения мер уголовной репрессии являются различные формы позитивного посткриминального поведения преступника. В первую очередь речь идет о компенсации вреда со стороны самого правонарушителя через процедуру его примирения с потерпевшим. И если в странах континентальной системы права эта процедура в какой-то мере схожа с аналогичным институтом в Республике Беларусь и сводится к различным вариантам медиации, то в странах другой группы имеются определенные особенности, представляющие интерес для отечественного уголовного права.

Прежде всего следует отметить, что законодательство этих стран серьезно отличается от стран континентальной системы. В Великобритании основными источниками права являются статуты (парламентское законодательство) и судебный прецедент. В США источниками уголовного законодательства являются Конституция США, конституции штатов и судебные прецеденты. Таким образом, в странах англосаксонской системы отсутствует уголовный кодекс в том понимании, к которому привыкли мы. Кроме того, в англосаксонской правовой системе иные принципы построения судопроизводства по сравнению с европейскими странами. В связи с этим уголовное законодательство ни Англии, ни США не содержит упоминания о примирении с потерпевшим в каком-либо качестве (смягчающее обстоятельство, основание освобождения от уголовной ответственности и т. д.). Однако факт примирения не остается без юридической оценки.

Так, в Англии отказ потерпевшего от преследования виновного делает невозможным привлечение последнего к уголовной ответственности в одном только случае, а именно в случае так называемого простого нападения, под которым понимается всякое действие (но не слова), обнаруживающее намерение применить к кому-либо силу. В остальных же случаях примирение виновного с потерпевшим не являлось фактором, устраняющим уголовное преследование [8, с. 119].

В США большое распространение получила такая компромиссная мера, как сделка о признании вины. Суть ее состоит в возможности заключения между сторонами обвинения и защиты особых сделок, соглашений, по которым обвинитель обязуется переквалифицировать деяние на менее тяжкий состав, а обвиняемый – признать в нем свою виновность. На основе данного института в настоящее время в США разрешается более 90 % всех уголовных дел [6, с. 37]. Связано это с тем, что суд в США рассматривается не как способ установления истины по делу, а как спор, где выигрывает сторона, представившая наиболее убедительные доказательства своей правоты, поэтому решение по делу может и не совпадать с истиной. Это дает возможность суду постановить приговор, не исследуя всех материалов дела, а опираясь только на показания обвиняемого. Соглашение о признании вины способствует ускорению судебного разбирательства, приближению момента реализации уголовной ответственности и уменьшению загруженности судей. Но существует и обратная сторона: в результате заключения соглашения могут быть установлены далеко не все юридически значимые обстоятельства совершения преступления. Суд в подобных случаях чаще всего и не стремится глубоко вникать в суть происшествия, удовлетворяясь формальным признанием вины со стороны подсудимого и возможностью без лишних затяжек вынести приговор [4, с. 41]. Таким образом, признание своей вины лицом становится «королевой доказательств», и, получив его, суд идет по пути наименьшего сопротивления. Схожая ситуация уже имела место в период средневековой инквизиции, когда главной задачей суда было добыть личное признание виновного.

Среди российских ученых имеется ряд авторов, выступающих за введение института сделок о признании вины в уголовное законодательство [3, с. 184–202; 6, 9]. Так, И. Морозова предлагает обложить институт сделки о признании вины в форму мирового соглашения о примирении между обвиняемым и защитой, с одной стороны, и обвинителем и потерпевшим – с другой [6, с. 37]. Однако, как представляется, примирение обвиняемого и потерпевшего выходит за рамки классической сделки о признании вины. Ведь целью последней является, скорее, достижение компромисса между государством в лице прокурора и обвиняемым. Интересы потерпевшего могут и не учитываться.

Как справедливо отмечает И. Петрухин, «...российскому менталитету чуждо само понятие „сделка о признании“. В российском уголовном правосудии сделка – явление аморальное, порочное, бесчестное; это торг, компрометирующий власть, свидетельствующий о ее бессилии, неспособности раскрывать преступления» [7, с. 35].

Представляется, что данное утверждение справедливо и для нашей страны. Внедряя институт сделок о признании вины в чистом виде, мы позволим судам, не выяснив всех обстоятельств дела, признавать лицо виновным в совершении преступления, которого оно, возможно, не совершало, но призналось в его совершении, оговорив себя по каким-либо причинам. И. Петрухин обоснованно прогнозирует, что введение данного института приведет к унижению как органов следствия, так и суда, которые должны будут вести своего рода «торг» с преступником о предоставлении ему привилегий взамен признания вины. Возрастет уровень коррупции и латентной преступности [7, с. 36].

К тому же, как отмечает П. Михайлов [5, с. 37–38], институт сделки о признании вины противоречит интересам потерпевшего. Поскольку в сделке между обвинителем и подсудимым не участвует потерпевший, то это позволяет обвинителю безболезненно снять обвинение по некоторым составам преступления, не учитывая интересы потерпевшего, необходимость возмещения ему вреда. В связи с этим представляется, что институт сделок о признании вины (в чистом виде) чужд нашей правовой системе и народному менталитету. Конечно, факт признания вины должен учитываться при рассле-

довании и вынесении решения по уголовному делу. И действующее законодательство не обходит его стороной. Явка с повинной является смягчающим вину обстоятельством, раскаяние виновного, которое подразумевает под собой, в первую очередь, признание своей вины, дает возможность освободиться от уголовной ответственности в порядке ст. 88 УК. Примирение с потерпевшим также подразумевает признание виновным своей вины. Тем не менее, это не снимает с правоохранительных органов обязанности устанавливать истину по делу, и, прежде всего, виновность лица в совершенном преступлении.

Кроме рассмотренных сделок о признании вины в Великобритании и США широкое распространение получили идеи восстановительного правосудия как альтернативы правосудию карательному, уголовному преследованию и наказанию. Основоположником этих идей стал американский правовед и криминолог профессор Х. Зер в своем труде «Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание» [1]. Во главу угла здесь ставится не наказание, а примирение правонарушителя с жертвой и возмещение ущерба. Восстановительное правосудие – это другой взгляд, другая философия ответа общества на преступление, «другая парадигма» [2, с. 42].

Сторонники идей восстановительного правосудия исходят из того, что правосудие карательное направлено в первую очередь на преступника – его выявление, привлечение к ответственности, определение наказания и обеспечение его исполнения. Преступление трактуется как конфликт между человеком (преступником) и государством. Интересы пострадавшего от преступления часто остаются неучтенными. Если он и участвует в процессе рассмотрения дела, то только как лицо, удостоверяющее событие преступления и источник доказательств вины преступника. Кроме того, судебная процедура мешает и самому преступнику осознать произошедшее, вдуматься в причины и последствия своего поведения, осознать свои обязательства перед человеком, которому он причинил вред.

В концепции восстановительного правосудия преступление рассматривается как конфликт человека (преступника) и человека (потерпевшего), который должен разрешаться прежде всего в их интересах, конечно, не без учета интересов государственных, публичных. Основным предметом обсуждения являются здесь не деяние и вина, а конкретные пути устранения вызванных преступлением негативных последствий [1, с. 21]. С одной стороны, это позволяет более полно учесть материальные интересы потерпевшего, поскольку, имея возможность примириться и избежать уголовной ответственности, обвиняемый будет активнее стремиться к возмещению ущерба. С другой стороны, такое разрешение конфликта позволит восстановить моральный, психологический ущерб от преступления. Проведение примирительных встреч или своего рода «конференций» между сторонами позволит более глубоко уяснить причины преступления, потерпевший может услышать признание и раскаяние преступника, что снизит его страх перед преступлением, преступник же сможет осознать уровень вреда, причиненного преступлением, не только материального, но и морального.

Практическая реализация этих идей должна найти свое отражение в создании специальных служб и программ по организации примирительных встреч, закреплению полученных результатов и обеспечению их юридической оценки при решении вопроса об уголовной ответственности лица. Х. Зер в своих трудах приводит данные о положительных результатах применения идей восстановительного правосудия на практике.

Так, в отличие от соглашений о возмещении ущерба, заключенных вне программ примирения, большинство договоров, подписанных в рамках программ примирения, в основном, исполняются (обычно более 80 или даже 90 %). Только 11 % всех пострадавших, участвовавших в программе, выразили некоторую неудовлетворенность. Желание участия в программе многие пострадавшие объясняют важностью возмещения ущерба. Исследования также показали, что пострадавшие больше всего обращают внимание на достигнутое ими чувство причастности и приобретение уверенности в себе. Преступники чаще всего также удовлетворены участием в программе. Последние наблюдения показали снижение рецидива у преступников, принявших участие в программе [1, с. 191–193].

Однако исходя из действующего законодательства реализация этих идей представляется затруднительной. Налицо проблемы в заинтересованности как обвиняемого так и потерпевшего в достижении примирения. Во-первых, потерпевший часто проявляет пассивность. По сложившемуся стереотипу он предполагает, что если преступник и будет пойман, то надежда на возмещение ущерба имеется лишь в случае обнаружения похищенного имущества. В противном случае восстановление прав представляется весьма призрачным. Он знает, что основные усилия государства будут направлены на поимку и наказание преступника. Сам же потерпевший от этого факта испытывает во многом сомнительное моральное удовлетворение. В итоге жертва преступления не стремится заявлять о совершенном преступлении и подвергать себя неприятной уголовной процедуре, зная о том, что восстановить свои права, возместить причиненный ущерб ему вряд ли удастся. Не в этом ли одна из причин высокого уровня латентной преступности в нашей стране?

Во-вторых, обвиняемый также часто является статичной фигурой в уголовном процессе. Несмотря на предполагаемую заинтересованность в исходе дела, его возможное желание смягчить свою участь путем соглашения, примирения с потерпевшим подавляется карательной политикой государства, политикой неотвратимости наказания, которое в большинстве случаев связано со страданиями. Таким образом, зная о том, что в случае поимки его ждет наказание, лицо не стремится явиться с повинной. Внутренне, возможно, уже наступило раскаяние, человек признал свою вину и готов загладить причиненный вред, но, страшась наказания, не может сделать этого. Когда лицо задержано и находится под стражей, то он уже начинает терпеть страдания и чувствует себя, скорее, жертвой уголовного правосудия, чем преступником. И его деятельность направлена в первую очередь на достижение цели защиты от этого правосудия, смягчения своих страданий. Цель ликвидации последствий своего преступления остается за рамками его стремлений. По нашему же мнению, эти цели должны если и не совпадать, то хотя бы пересекаться.

В качестве одного из путей решения указанной проблемы видится внедрение идей восстановительного правосудия в наше уголовное законодательство, более активный учет факта примирения обвиняемого с потерпевшим как при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности, так и при избрании вида и размера наказания, а также при решении вопроса об условно-досрочном освобождении. И первым шагом на этом пути должно быть расширение круга составов преступлений, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности в порядке ст. 89 УК. Представляется, что в этот круг необходимо включить как менее тяжкие преступления, так и отдельные составы, относящиеся к тяжким преступлениям.

Такое расширение, по нашему мнению, приведет к ряду положительных результатов. Во-первых, снизится количество осужденных к лишению свободы, что повлечет за собой сокращение государственных расходов на содержание соответствующих учреждений, а также снизит общую криминализацию населения. Во-вторых, улучшится ситуация с возмещением ущерба жертвам преступлений, поскольку у виновных возникнет реальный стимул на достижение примирения и, следовательно, загладивание причиненного вреда. Как следствие, возрастет общее уважение к правоохранительным органам. В-третьих, достижение примирения между преступником и жертвой решит не только материальные проблемы – возмещение причиненного ущерба, но и позволит в некоторой мере загладить морально-психологическую травму, полученную жертвой преступления.

Библиографические ссылки

1. Зер, Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / Х. Зер ; пер. с англ. М.М. Стерника, Е.В. Топниковой М. : Судебно-правовая реформа, 1998.
2. Карнозова, Л. Восстановительное правосудие: Идеи и перспективы для России / Л. Карнозова, Р. Максудов, М. Флямер // Рос. юстиция. 2000. № 11.
3. Лазарева, В. А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе / В.А. Лазарева. Самара, 2000.
4. Милицин, С. Сделки о признании вины: Возможен ли российский вариант? / С. Милицин // Рос. юстиция. 1999. № 12.
5. Михайлов, П. Сделки о признании вины – не в интересах потерпевших / П. Михайлов // Там же. 2001. № 5.
6. Морозова, И. Сделка о признании вины как вариант мирового соглашения / И. Морозова, А. Анненков, С. Додонов // Там же. 2000. № 10.
7. Петрухин, И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету / И. Перухин // Там же. 2001. № 5.
8. Полянский, Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии / Н.Н. Полянский. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрид. лит., 1969.
9. Тейман, С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? / С. Тейман // Рос. юстиция. 1998. № 10, 11.

С.Н. Чайкин, старший инспектор штаба
исправительного учреждения «Исправительная колония № 8» УДИН МВД Республики Беларусь по Витебской области

ЦЕЛИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ

На основе анализа отечественных и российских источников констатируется недостаточная степень разработки исследуемого вопроса. Исходя из выделения двух групп целей принудительных мер безопасности и лечения (защищающих интересы психически больных и защищающих интересы общества) раскрывается их содержание в зависимости от категории лиц, в отношении которых применяется принудительное лечение. Рассматривается проблема несоответствия содержания целей принудительных мер безопасности и лечения их определениям в уголовном законе. Обосновываются предложения по их изменению.